

В. Е. Добровольская

СКАЗКИ НА БЫЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК Л. Я. МЕЛКОЗЁРОВОЙ)

Резюме

В статье рассматривается репертуар сказочницы Л. Я. Мелкозёровой. От нее записаны тексты сказок на былинные сюжеты. Анализ этих сказок позволяет не только подтвердить существование былинной традиции на территории Пермского края, но и выявить наиболее популярные для региона сюжеты былин. В то же время данные тексты свидетельствуют о своеобразии сказочной традиции Пермского края, которая богата сказками самых разных типов: докучными, бытовыми, волшебными, легендарными, анекдотами. Сказки о богатырях составляют здесь отдельную группу. Они немногочисленны, но их рассмотрение позволяет говорить об исполнительском мастерстве сказочника: его интересе к деталям или формулам, импровизации, психологизме или юморе. Сказки Л. Я. Мелкозёровой были записаны поздно. Исполнительница давно не рассказывала сказок и помнила большинство сюжетов довольно схематично. Возможно, более ранние записи позволили бы говорить о принципах формирования и источниках сказочного репертуара, а также об особенностях исполнительской манеры сказочницы. Однако и проанализированные в данной статье тексты свидетельствуют, что Л. Я. Мелкозёрова была хорошей сказочницей со своим особым стилем, элементы которого сохранились даже в разрушенных текстах.

Ключевые слова: русский фольклор, сказки на былинные сюжеты, былины, Пермский край, Л. Я. Мелкозёрова

Varvara E. Dobrovolskaya

FOLKTALES BASED ON EPIC PLOTS IN THE FOLKLORE TRADITION OF THE PERM REGION: MELKOZEROVA'S FOLKTALES

Abstract

This article examines the repertoire of the folktales recorded from the storyteller Lubov Yakovlevna Melkozerova. The analysis of the folktales shows that they are based on epic plots. This confirms the existence of the epic tradition in the Perm region and allows for the identification of the most popular epic plots in this area. These texts reveal the uniqueness of the Perm folktale tradition with its various types of folktales: tiresome tales, household tales, fairy tales, legends, anecdotes, etc. Tales about heroes form a separate group among these tales. Although they are not numerous, these tales allow us to judge the storyteller's performing skills: her interest in details and formulas, her ability to improvise, and her psychological features and humor. The tales were recorded from Melkozerova late in her life. Since she had not performed them for a long time, she remembered most of the plots only in general at the time of the recording. Nonetheless, the existing recordings suggest that Melkozerova was a good performer with her own style.

Keywords: Russian folklore, folktales with epic plots, epics, Perm region, Lubov Yakovlevna Melkozerova

DOI 10.31860/2712-7591-2024-2-48-60

Былинная традиция в Пермском крае привлекала внимание исследователей. Наиболее подробный на сегодняшний день обзор собирательской деятельности в данной области приведен в статье А. В. Черных [Черных]. Т. Г. Иванова в своем монографическом исследовании [Иванова] подробно разбирает былинные тексты, зафиксированные на территории Пермского края. Автор останавливается на текстологических особенностях материала данной территории, былинных сюжетах, присущих региону, и т. п.

Однако помимо собственно былин, в этом регионе зафиксированы прозаические тексты на былинные сюжеты. К. Э. Шумов в своей статье отмечает, что в одной из его экспедиций было записано более двадцати подобных текстов [Шумов, с. 45]. Обычно наличие текстов на былинные сюжеты рассматривается как своеобразное подтверждение существования былинной традиции. Данные тексты можно разделить на две группы. К первой группе, как заметил М. К. Азадовский, относятся тексты, утратившие «напев и целостную структуру былины», но сохранившие «еще во многих случаях размер и другие элементы былинной формы» [Азадовский, с. 213]. Другая же группа текстов связана с былинами только сюжетом, «вся же

художественная структура, весь стиль полностью соответствуют жанру сказки» [Астахова 1962, с. 3].

Вопрос о взаимодействии эпоса и сказки в последнее время становится постоянным предметом обсуждения исследователей [Алиев; Бурькин; Джапуа; Насиб; Салмин; Селеева; Хусаинова 2010; 2011]. Однако в большинстве случаев в этих работах рассматриваются различные аспекты взаимодействия живой эпической традиции со сказочной, которая также находится в стадии активного бытования.

В русской фольклорной традиции Пермского края ситуация иная. В XX в. былины на данной территории практически не фиксировались, а сказочная традиция бытовала довольно активно, хотя, конечно, к концу XX в. она стала затухать. Именно в это время, в 1997 г., участники экспедиции Пермского государственного университета и Пермского областного краеведческого музея под руководством А. В. Черных в Ординском районе записали от Любови Яковлевны Мелкозёровой сказки на сюжеты былин. Эти тексты были опубликованы в нескольких изданиях и в приложении к статье А. В. Черных в научном альманахе «Традиционная культура» [Преженцева, Черных; Русские народные сказки Пермского края, с. 61–66; Русские сказки Пермского края, с. 65–70; Черных, с. 36–39].

Любовь Яковлевна Мелкозёрова родилась в 1910 г. в д. Колоба (Колобы), находившейся на территории современного Уинского района Пермского края (в настоящее время деревня не существует). Запись проводилась в с. Шарынино Ординского района, где на тот момент она проживала. Сведения о ее жизни очень скудны. Мы знаем, что свои сказки она узнала от матери и теток. По словам Любови Яковлевны, хорошее знание «старинной» жизни связано с тем, что она в детстве слышала много рассказов и сказок от родственников: «Много рассказывали. Мама рассказывает, а мы не спим, уши развесим, не спим, много чего рассказывали...» [Русские сказки Пермского края, с. 173]. Она была не только знатоком былинных сюжетов, но знала мифологическую прозу и предания, рассказывала о быте и нравах своей деревни.

На момент записи сказочница была очень пожилым человеком и не рассказывала сказки довольно долго. Она забывала сюжетные подробности, не могла вспомнить отдельные детали, но даже в этом случае фрагменты сказочных текстов свидетельствуют об оригинальности ее исполнительской манеры.

От Л. Я. Мелкозёровой записано шесть сказок. Одна из них — «Про Степана-царевича» — относится к сюжетному типу СУС 300А «Бой на Калиновом мосту». Данный сюжет распространен в русской сказочной

традиции: указателем сказочных сюжетов «Восточнославянская сказка» [СУС, с. 104–105] зафиксировано тридцать вариантов данного сюжетного типа. Исследования последних лет показывают, что вариантов существенно больше. Например, согласно описи русских сказок Пудожского края, в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН таких текстов пять (№ 3, 4, 324, 492 и 578) [Русские народные сказки Пудожского края, с. 354]. Первая русская публикация данного сюжетного типа представлена в издании «Летописи русской литературы и древности» [Тихонравов]. Уральский вариант опубликован в книге Л. Г. Барага [Бараг, № 9], пермский вариант известен по сборнику Д. К. Зеленина [Зеленин, № 9].

Само повествование довольно сумбурно. Сказочница помнила основной мотив сказки о бое со змеем на мосту, но явно сбивалась на богатырскую сказку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. При этом она не смогла вспомнить ни тот ни другой сюжет полностью, но воспроизвела эпизод о свисте побежденного Соловья по приказу богатыря перед княжеским теремом, хотя основными противниками героя были три Идолишша Поганных, а появление Соловья-разбойника можно рассматривать как некое дополнительное испытание:

« — Ну-ко, — говорит, — Розбойник, Соловей-розбойник, сосвисти.

Он как сосвистел — даже маковки-ти, с етого, с дворца, политили. Кругом было, тожо все было... Тот закричал, князь-от:

— Хватит, хватит, хватит, не надо!» [Русские сказки Пермского края, с. 66].

Вероятно, сказочница давно не рассказывала сказок, хотя некогда знала их хорошо. Л. Я. Мелкозёрова точно передает последовательность эпизодов, однако путает имена героев (называет Степана-царевича Добрыней) и некоторые их действия. Так, в данном тексте отсутствует мотив чудесного рождения братьев. В большинстве вариантов жены змеев превращаются в разные предметы, а у Любови Яковлевны они все принимают образ «койки под яблоней». Из текста не ясно, как герой узнал о мщении жен противников за мужей. В традиционных вариантах данного сюжетного типа герой превращается в кога или птицу, переходит или перелетает мост и подслушивает разговор змеих.

Сказочница довольно схематично передает сюжет, однако прекрасно помнит формулу хвастовства противника:

Хто этот мос мостил,
 Меня за реку пустил?
 Ехать бы мне, переехать бы мне,
 Нет со мной поединшычка,

Да нет со мной супротивница,
Есь Степан-царевичь,
Да он ишо в колыбеле качается

[Русские сказки Пермского края, с. 65].

Нельзя не отметить и довольно редкий для русской сказочной традиции мотив создания поля боя: «...дунь по реке, чтобы река помедневела, бережки поджарились!» В большинстве вариантов, где он все-таки имеется, змей-противник обычно создает ледяной мост или медный ток.

Остальные тексты, записанные от Любови Яковлевны, представляют собой собственно сказки на былинные сюжеты. Надо сразу отметить, что ряд текстов функционируют в этом качестве и отмечены в указателе сказочных сюжетов, а другие в нем не зафиксированы.

Сказка «Про Илью Муромца» относится к широко распространенному в русской традиции сюжетному типу сказок на былинный сюжет СУС 650С* «Илья Муромец». Русских текстов данного сюжетного типа опубликовано пятьдесят. Первая публикация вошла в сборник 1787 г. «Повествователь русских сказок» [Повествователь, с. 3–25]. Кроме единственного пермского варианта из сборника Д. К. Зеленина [Зеленин, № 16], других пермских или уральских текстов в указателе сюжетов не отмечено.

Для русской традиции наиболее типичным сказочным сюжетом об Илье Муромце является сказка о его бое с Соловьем-Разбойником. Л. Я. Мелкозёрова, видимо, его знала, поскольку пыталась рассказать его в рамках сказки «Про Степана-царевича». Однако в Пермском крае был известен и другой подвиг Ильи Муромца, в котором реализуется сюжет былины о том, как Идолище захватил Царьград, взял в плен Константина Боголюбовича и как с ним не смог справиться «могуче-то Иванище» [Онежские былины, № 48]. Такой текст был записан в д. Мутиха Красновишерского района Пермского края от Тамары Егоровны Филиппович, 1921 г. р., уроженки деревни Акчим, и опубликован в сборнике [Русские народные сказки Пермского края, № 63]. В сказке Т. Е. Филиппович нет ни Царьграда, ни его правителя, ни Иванища, но есть царь, к жене которого «Идолище поганый пришел, стал жить, сидит, жрет, а царь у них заместо прислуги, исть готовит и подает» [Русские народные сказки Пермского края, с. 151]. В этом тексте есть Калика Перехожий: «Сам грузный, тихий, и конь у него такой» [Русские народные сказки Пермского края, с. 151]. У этого Калики есть «костыль сто пудов и шляпа полтора пудов» [Русские народные сказки Пермского края, с. 152]. Именно эти вещи и обменивает Илья на свои и с помощью костыля и шляпы убивает противника: «Илья Муромец шляпу с головы снял, в Идолище бросил, попал ему шляпой в грудь, тот с простенком на улицу вылетел, там Илья

Муромец его еще палицей пристукнул и сказал: „Не человек человека убил, а царя освободил“» [Русские народные сказки Пермского края, с. 152]. В былине есть дверь, выбитая Ильей и убившая нескольких приспешников Идолища, и есть простенок терема, который Илья выбивает самим Идолищем. Видимо, эти образы поразили сказочницу или того, от кого она узнала сказку, и именно поэтому они сохранились в сказочном тексте.

Данный текст является переработкой одного былинного сюжета, в то время как в большинстве случаев сказки об Илье Муромце представляют собой объединение нескольких сюжетов былинного эпоса. Мы не знаем, был ли в репертуаре Л. Я. Мелкозёровой текст про Илью и Идолище, но то, что она знала контаминированный текст и явно хотела рассказать не только об исцелении Ильи, но и о его битве с Соловьем-разбойником, не вызывает сомнения. Именно поэтому в сказке появляется город Чернигов. Однако хорошо помнила Любовь Яковлевна только сюжет об исцелении богатыря. В нем есть и страннички, приходящие в избу лежащего на печи Ильи, и чудесная вода, которая исцеляет героя. Сказочница сохранила формулу, с помощью которой в былинах описывается процесс исцеления героя: герой трижды выпивает поданную ему чашу и после этого начинает двигаться. Появляется в сказке и другая формула: Илья Муромец говорит о небывалой силе, которую он приобрел, когда выпил чудесной воды: «А мне бы (...) чей-час кольцё в землю, ак я бы всю землю поворотил» [Русские сказки Пермского края, с. 67]; присутствует также мотив убавления силы. Все это свидетельствует о том, что исполнительской манере Любови Яковлевны были свойственны внимание к деталям и формульности.

Использовала она и мотив первого применения силы Ильи, который встречается как в былинах, так и в богатырских сказках: герой помогает родителям в корчевке леса. Сохраняется в сказке даже мотив благословения героя: «За друга стой (...) а за недруга не стой». Однако сюжет о бое с Соловьем сказочницей практически забыт и передается отрывочно.

Еще одна сказка — «Про сорочинскую змею» — не имеет соответствий в СУС. Героических сказок о Добрыне вообще известно не много. О бое Добрыни и змеи зафиксировано всего четыре текста, три из которых объединяют несколько сюжетов:

1. Добрыня и змея + Добрыня и Настасья Микулична + Добрыня и Алеша [Коргуев, № 40].

2. Добрыня и Маринка + Добрыня и змея + Добрыня и Алеша [Былины Печоры, № 75].

3. Женитьба Добрыни + Добрыня и Алеша [Королькова, с. 33–43]. Единственная запись сказки, построенная на сюжете былины о бое Добрыни

на Почай-реке, включена в сборник А. М. Астаховой [Астахова 1938, прил. I, № 3]. Таким образом, текст, записанный от Л. Я. Мелкозёровой, является пятой сказкой о Добрыне и вторым текстом, построенным только на сюжете былины о Добрыне и змее.

В сказке Любви Яковлевны отсутствует такой важный для былинного текста персонаж, как мать Добрыни, которая запрещает ему ездить в Сорочинские горы и купаться в Почай-реке. В рассматриваемом тексте о матери героя напоминает только сплетенная ею плеточка из семи шелков.

Иначе, чем в былинах, реализуется и диалог змеи и богатыря. И в сказке, и в былинах змее предсказана смерть от руки Добрыни, и Л. Я. Мелкозёрова сохранила данный эпизод: «Неправду <...> тебе, Добрынюшка Никитич, святые отцы написали на святых воротах, что Добрынюшка Никитич должен, — говорит, — меня победить» [Русские сказки Пермского края, с. 68]. И в былине, и в сказке змея объясняет эту «неправду» тем, что она может убить беззащитного богатыря. Однако в былине герой возражает: «...нагого сглотить да будто мертвого» [Онежские былины, № 289], тем самым предлагая змее выбрать равный бой. В сказке Любви Яковлевны ответ героя даже не подразумевает боя, змея не сможет насладиться своей победой над богатырем, поскольку все скажут, «что Добрынюшка Никитич в Почай-реке купался да, это, утонул» [Русские сказки Пермского края, с. 67]. Интересно и продолжение диалога в сказке. Добрыня заставляет змею отвернуться, поскольку она женщина, а он обнажен и может ее смутить: «Отвороти <...> большие-де свои шары, ведь ты женшына, а я <...> мушшына. Я хоть <...> одежду наядну на себя-то» [Русские сказки Пермского края, с. 67]. Воспользовавшись доверчивостью змеи, герой совершает своеобразный маневр и побеждает ее. Подобное решение эпизода свидетельствует о юморе исполнительницы, некоем озорстве, свойственном обычно сказочникам-импровизаторам. Концовку текста, которая, видимо, должна соответствовать сюжетному типу СУС 974* «Добрыня Никитич», сказочница при исполнении этого текста забыла.

Однако позднее от нее была записана еще одна сказка — «Про Алёшеньку Поповича», которая как раз относится к сюжетному типу СУС 974* «Добрыня Никитич». Русских вариантов этой сказки известно четыре. Два из них принадлежат выдающимся сказочникам М. М. Коргуеву [Коргуев, № 40] и А. Н. Корольковой [Королькова, с. 33–43]. Именно этот сюжет исполнительница не смогла вспомнить, когда рассказывала сказку «Про сорочинскую змею». В данном случае Любовь Яковлевна, хоть и схематично, вспомнила о бое Добрыни с богатыркой, женитьбе на ней, отъезде героя и его наказе. Затем она довольно подробно рассказала о поисках Алёши Поповича, сопротивлении жены Добрыни и приказе князя о свадьбе.

Основной конфликт былины заключается в нарушении Алешей Поповичем запрета жениться на жене крестового брата. В тексте «Про сорочинскую змею» сказочница упоминает о крестовом братстве: «А этот, Лешенька Попович, опять у них не везло ведь: „Ведь ты, — говорит, — мне крестовой брат. Ведь, Добрынюшка, — говорит, — мы в одной воде крещшоны...“» [Русские сказки Пермского края, с. 67]. Наиболее подробно сказочница рассказывает о возвращении Добрыни, его узнавании по родимому пятну и его присутствии на свадьбе. Все это свидетельствует о любви сказочницы к деталям, созданию ею предметного мира сказок.

Сюжет, связанный с мотивом верной жены, реализуется и в другой сказке Л. Я. Мелкозёровой — «Про князя Владимира». Текст относится к сюжетному типу СУС 888 «Жена вызволяет мужа». В русской традиции существуют сказки о женщине в мужском платье, которая спасает мужа или отца (подробнее об этом см.: [Добровольская]). Однако, помимо немногочисленных собственно сказочных текстов, в русском репертуаре представлены сказки, возникшие под влиянием былины о Ставре (см., например: [Потявин, № 5]). К ним относится и сказка Любви Яковлевны.

Текст интересен тем, что в нем сохраняются фрагменты тонического стиха былинного типа: «У князя Владимира было пированьё, было столованьё. И все при беседушке росхвалилися. Кто хвастант силую, кто хвастант молодой женой, кто хвастант старой матерью, кто хвастант добрым, добрым конем» [Русские сказки Пермского края, с. 70]. Можно предположить, что сказочница слышала былину в живом исполнении, но и влияние книги исключать нельзя.

В былинных текстах одной из примет того, что ханский посол — женщина, являются дырочки в ушах от сережек. В варианте Л. Я. Мелкозёровой Василиса Тимофеевна забывает вынуть сережки из ушей: «Взяла свои волосы остригла по-молодечки. А только забыла добыть сережки из ушей» [Русские сказки Пермского края, с. 70]. Но никто на этом основании не заподозрил героиню в том, что она переодетая в мужчину женщина. Сережки появляются только в конце повествования, когда герой встречается как поединщики.

Текст довольно схематично передает сюжет былины, но исполнительница сохраняет имена героев и основную коллизию: хвастовство женой и переодевание женщины в мужское платье.

Наконец, еще одним текстом, записанным от Любви Яковлевны, является крайне схематичный пересказ былины о Святогоре. Обычно в богатырских сказках этот сюжет включается в повествование, связанное с Ильей Муромцем. Но поскольку исполнительница помнила лишь отдельные

фрагменты текста, мы не можем говорить о том, как он функционировал в ее репертуаре.

Анализ сказок Л. Я. Мелкозёровой показывает, что исполнительница владела этой традицией и, возможно, слышала не только сказочные тексты, но и сами былины от своих старших родственников. Ее репертуар достаточно интересен, в нем есть редкие сюжетные типы и нетипичные для богатырских сказок соединения сюжетов и мотивов. К сожалению, совершенно очевидно, что на момент записи сказочница долго не рассказывала сказки, поэтому тексты в большинстве своем переданы схематично, многие сюжетные ходы забыты. Но детали, используемые ею в сказках, указывают на то, что она была хорошей сказочницей. Забыв сюжет, она использовала те детали, которые помнила, понимая, что они подходят для дальнейшего повествования. Она сохранила в своих сказках элементы былинного стиха, что наиболее ярко видно в сказке «Про князя Владимира». Ее текстам свойственно обилие деталей, создание предметного мира сказки. Свойственен сказочнице и юмор.

Безусловно, сказки на былинные сюжеты являются аргументом в пользу существования на данной территории былинной традиции. С их помощью можно предположить, какие былинные сюжеты были здесь распространены и пользовались особой популярностью. Но в то же время данные тексты свидетельствуют и о своеобразии сказочной традиции региона. Если бы в нашем распоряжении оказались более ранние записи Л. Я. Мелкозёровой, то они позволили бы рассмотреть источники формирования ее сказочного репертуара, влияние на него книги или устной традиции. Возможно, мы могли бы подробнее проанализировать мастерство сказочницы. Но и записанные от нее тексты дают нам возможность говорить об особой исполнительской манере Любови Яковлевны и ее своеобразном репертуаре.

Литература

- Азадовский — *Азадовский М. К.* О русской сказочной традиции в Карелии // Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст. и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1947. 246 с. (Б-ка русского фольклора Карелии / Науч.-исслед. ин-т культуры Карело-Финской ССР. Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова; Вып. 5).
- Алиев — *Алиев О. С.* Проблемы межжанровой связи сказки и эпоса (на материале азербайджанской литературы) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 11. С. 103–108.
- Астахова 1938 — *Былины Севера.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. 654 с. (Материалы рукописного хранилища Фольклорной комиссии).

- Астахова 1962 — *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 120 с.
- Бараг — Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1975. 175 с.
- Бурыкин — *Бурыкин А. А.* Критерии характеристики жанра богатырской сказки и основные отличия богатырских сказок от образцов эпоса // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 4 (38). С. 135–155.
- Былины Печоры — Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова [и др.]; вступ. ст. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.
- Джапуа — *Джапуа З. Д.* Нартский эпос и волшебнo-героическая сказка // Нартоведение в 21 веке: проблемы, поиски, решения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Магас: [б. и.], 2016. С. 40–54.
- Добровольская — *Добровольская В. Е.* Мотив «сокрытия девушкой своего пола» в славянском фольклоре // Сборник на резимеа. Скопје: [б. и.], 2008. Т. 2. С. 143–144.
- Зеленин — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии: Сб.: С прил. 12 башкир. сказок и одной мещерск. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1914. LIII, 656 с. (Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 41).
- Иванова — *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с.
- Коргуев — Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Ред. А. Н. Нечаева. М.; Л.: Сов. писатель, 1938. 256 с.
- Королькова — Русские народные сказки. Рассказаны А. Н. Корольковой / Записи Э. В. Померанцевой [и др.]; сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1969. 406 с.
- Насиб — *Насиб Т.* Типологические особенности повествований сказки и эпоса // Язык, общество, личность и творчество Низами Гянджеви: Междунар. науч. конф. Sumqayıt: [б. и.], 2021. С. 101–103.
- Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3 / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. 671 с.
- Повествователь — Повествователь русских сказок. М.: Тип. Пономарева, 1787. 203 с.
- Потявин — *Потявин В. М.* Народная поэзия Горьковской области. Горький: [б. и.], 1960. Вып. 1: Сказки, песни, частушки. 448 с.
- Преженцева, Черных — *Преженцева Е. С., Черных А. В.* Записи былинных сюжетов в Южном Прикамье // Фольклорный текст-99: Материалы науч.-метод. семинара. Пермь: [б. и.], 2000. С. 3–13.
- Русские народные сказки Пермского края — Русские народные сказки Пермского края / Сост., вступ. ст., примеч. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 280 с.
- Русские народные сказки Пудожского края — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; науч. ред. Э. В. Померанцева. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.
- Русские сказки Пермского края — Русские сказки Пермского края в записях конца XX — начала XXI в. / [сост.] А. В. Черных, В. Е. Добровольская, И. И. Русино-

- ва [и др.]; под общ. ред. А. В. Черных. СПб.: Мамонов, 2020. 239 с. (Фольклорный архив. Пермский край).
- Салмин — Салмин А. К. Жанровые особенности богатырских сказок: теоретические изыскания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 285–297.
- Селеева — Селеева Ц. Б. Об архаических рудиментах богатырской сказки в эпосе «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 2 (2). С. 74–79.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука. 1979. 437 с.
- Тихонравов — Сказка об Иване Белом // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М.: Тип. Грачев и Комп., 1861. Т. 3, ч. 3. С. 8–14.
- Хусаинова 2010 — Хусаинова Г. Р. Башкирская народная сказка и эпос: к проблеме взаимодействия жанров // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 3–1. С. 1078–1079.
- Хусаинова 2011 — Хусаинова Г. Р. Башкирская народная сказка и эпос: общие места // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 167–171.
- Черных — Черных А. В. Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 4. С. 29–40.
- Шумов — Шумов К. Э. Бытование эпической традиции в Прикамье // Фольклорный текст — 98: Сб. докл. науч. конф. Пермь: [б. и.], 1998. С. 43–48.

References

- Aliev, O. S. (2019). 'Problemy mezhzhanrovoy svyazi skazki i eposa (na materiale azerbaidzhanskoy literatury)', *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 12, 11, 103–108.
- Astakhova, A. M. (1938). *Byliny Severa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. Mezen' i Pechora, 654 p.
- Astakhova, A. M. (1962). *Narodnye skazki o bogatyryakh russkogo eposa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 120 p.
- Astakhova, A. M. et al., eds. (1951). *Onezhskie byliny, zapisannyye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3, 671 p.
- Astakhova, A. M. et al., eds. (1961). *Byliny Pechory i Zimnego berega: (Novye zapisi)*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 606 p.
- Azadovskii, M. K. (1947). 'O russkoi skazochnoi traditsii v Karelii', in: M. K. Azadovskii, ed., *Russkie skazki v Karelii: (Starye zapisi)*. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 5–24.
- Barag, L. G. (1975). *Skazki, legendy i predaniya Bashkirii v novykh zapisyakh na russkom yazyke*. Ufa: Bashkirskoe knigoizdatel'stvo, 175 p.
- Barag, L. G., Berезovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 437 p.
- Burykin, A. A. (2018). 'Kriterii kharakteristiki zhanra bogatyrskoi skazki i osnovnye otlichiya bogatyrskikh skazok ot obraztsov eposa', *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiiskoi akademii nauk*. Vol. 11, 4 (38), 135–155.

- Chernykh, A. V. (2020). 'Vnov' k voprosu o bytovanii bylin v Permskom Prikam'e', *Traditsionnaya kul'tura*. Vol. 21, 4, 29–40.
- Chernykh, A. V., ed. (2004). *Russkie narodnye skazki Permskogo kraya*. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 280 p.
- Chernykh, A. V., Dobrovol'skaya, V. E., Rusinova, I. I. et al., eds. (2020). *Russkie skazki Permskogo kraya v zapisyakh kontsa XX — nachala XXI veka*. Saint Petersburg: Mamonov, 239 p.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2008). 'Motiv «sokrytiya devushkoi svoego pola» v slavyanskom fol'klоре', in: *Zbornik na rezimea*. Skopje: [s. n.]. Vol. 2, 143–144.
- Dzhapua, Z. D. (2016). 'Nartskii epos i volshebno-geroicheskaya skazka', in: *Nartovedenie v 21 veke: problemy, poiski, resheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Magas: [s. n.], 40–54.
- Ivanova, T. G. (2001). «*Malye*» ochagi severnorusskoi bylinnoi traditsii: *Issledovaniya i teksty*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 454 p.
- Khusainova, G. R. (2010). 'Bashkirskaya narodnaya skazka i epos: k probleme vzaimodeistviya zhanrov', *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 15, 3–1, 1078–1079.
- Khusainova, G. R. (2011). 'Bashkirskaya narodnaya skazka i epos: obshchie mesta', *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17 (232), 167–171.
- Korguev, M. M. (1938). *Belomorskie skazki, rasskazannye M. M. Korguevym*. Moscow, Leningrad: Sovetskii pisatel', 256 p.
- Korol'kova, A. N. (1969). *Russkie narodnye skazki. Rasskazany A. N. Korol'kovi*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 406 p.
- Nasib, T. (2021). 'Tipologicheskie osobennosti povestvovaniya skazki i eposa', in: *Yazyk, obshchestvo, lichnost' i tvorchestvo Nizami Gyandzhevi. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Sumqayit: [s. n.], 101–103.
- Pomerantseva, E. V., Razumova, A. P., Sen'kina, T. I., eds. (1982). *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraya*. Petrozavodsk: Kareliya, 366 p.
- Potyavin, V. M. (1960). *Narodnaya poeziya Gor'kovskoi oblasti*. Gor'kii: [s. n.]. Vol. 1: Skazki, pesni, chastushki, 448 p.
- Povestvovatel' russkikh skazok* (1787). Moscow: Tipografiya Ponomareva, 203 p.
- Prezhentseva, E. S., Chernykh, A. V. (2000). 'Zapisi bylinnykh syuzhetov v Yuzhnom Prikam'e', in: *Fol'klornyi tekst 99: Materialy nauchno-metodicheskogo seminara*. Perm': [s. n.], 3–13.
- Salmin, A. K. (2021). 'Zhanrovye osobennosti bogatyrskikh skazok: teoreticheskie izyskaniya', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 70, 285–297.
- Seleeva, Ts. B. (2016). 'Ob arkhaiskikh rudimentakh bogatyrskoi skazki v epose «Dzhangar»', *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie*, 2 (2), 74–79.
- Shumov, K. E. (1998). 'Bytovanie epicheskoi traditsii v Prikam'e', in: *Fol'klornyi tekst — 98: Sbornik dokladov nauchnoi konferentsii*. Perm': [s. n.], 43–48.
- Tikhonravov, N. (1861). 'Skazka ob Ivane Belom', in: *Letopisi russkoi literatury i drevnosti, izdavaemye Nikolaem Tikhonravovym*. Moscow: Tipografiya Grachev i K°. Vol. 3, pt. 3, 8–14.
- Zelenin, D. K. (1914). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii*. Petrograd: Tipografiya A. V. Orlova, LIII, 656 p.